

*Дети и война – нет более ужасного сближения
противоположных вещей на свете.*

А. Т. Твардовский

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Аля лежала на кровати и думала. Она думала о том, как же все-таки хорошо, что они с мамой приехали в Луганск к маминой однокласснице. Конечно, дело не в подруге мамы, а в том, что уж очень хорошие здесь девочки – веселые, дружелюбные, сразу приняли ее в свою компанию. Приглашать таких девчонок на день рождения – одно удовольствие.

– Мам!

– Что, Аленька?

– Купи, пожалуйста, завтра на стол много-много сладкого.

– Конечно, куплю, дорогая! Спи.

Она крепко поцеловала Алю и вышла из комнаты. Аля с любовью посмотрела ей вслед. Ах, как она любит свою мамочку!

Еще у Али был папа, но он не жил с ними, и она его видела редко.

На следующее утро стол ломился от сладостей. Аля сидела во главе стола в новеньких синих джинсах и зеленой майке, поверх которой была накинута клетчатая рубашка, и с удовольствием принимала поздравления подруг. Чего на столе только не было! И торт с двенадцатью свечками в честь именинницы, и пирожные, и конфеты, и пряники с печеньем. В формочки разложили салаты для каждой гостьи. А на горячее был слоеный пирог с мясом и картофелем.

Когда с едой закончили, подошла мама. Наклонилась, чуть коснулась губами Алиной макушки и прошептала:

– Аленька, я пойду с подругой в кафе, кофе попьем. Мы были там недавно, помнишь? Это рядом. Не обидишься?

– Не-а, иди.

И она ушла.

Уничтожив почти все, что было на столе, девочки перешли к играм. Они рисовали с завязанными глазами, сочиняли друг о друге смешные истории, играли в догонялки и даже в прятки. Одним словом, было весело. Аля ликовала.

Вдруг на улице прогремел взрыв. Потом еще и еще. Девчонки в недоумении остановились, не понимая, что происходит. Посмотрели друг на друга с удивлением и страхом. С их лиц разом сбежало счастливо-беззаботное выражение.

Они завизжали и бросились к окнам. Взрывы не прекращались.

По улице, что-то крича, бежали перепуганные на смерть люди.

– Мамочка! – дрожащим голосом прошептала одна из девочек.

У Али внутри все похолодело. Сердце под зеленой майкой забилось сильно-сильно.

«Мама в кафе! Мама! Мама!» Аля рванулась к двери, вылетела на улицу. И в этот момент совсем рядом раздался очередной взрыв. Земля затряслась у Али под ногами. Не помня себя от ужаса и страха, она помчалась в ту сторону, где находилось кафе.

Кафе не было. На его месте зияла холодной пустотой огромная черная дыра.

Аля не закричала, нет. Она просто не могла кричать. Грудь сдавило, сердце остановилось, голова закружилась. Мамочка моя! Что же это? Что произошло? Ведь только что все было так хорошо и весело! Неожиданно что-то больно ткнулось ей в бок. Она вскрикнула и повернулась. Перед ней стоял человек в военной форме (диверсант) с автоматом в руке (этим автоматом он и ткнул ее в бок). Глаза его горели злостью.

— Ты что здесь делаешь, а?!

И тотчас же Аля поняла: это он. Он один из тех, кто убил маму. Аля сделала шаг вперед и, внезапно бросившись к солдату, со всей силы впилась зубами в держашую автомат руку. На грязно-зеленом рукаве появилось красное пятно. Аля повернулась и бросилась прочь от этого места.

Пробежав немного, Аля услышала выстрелы. Вслед ей летели пули и смачная брань. Аля почувствовала, как в руку кольнуло что-то острое. Невыносимая боль прожгла девочку насквозь. Она упала и на четвереньках доползла до ближайших кустов. Боковым зрением она увидела, как волочится по земле пыль и дым от снаряда, который только что разорвался поблизости. Девочка взглянула на раненую руку. Рукав ее новенькой, только надетой клетчатой рубашки почернел и был мокрый, красный, будто в нем раздавили помидор. По телу разлилась слабость. Аля заплакала. От злости заплакала, от жгучего отчаяния и боли. Она ненавидела всех людей, которые были в военной форме и держали в руках оружие.

БАБА ЛУКЕРЬЯ

Аля потихоньку перестала плакать, поднялась и увидела, что оказалась около дома с разбитыми стеклами. Перед ней разлетелась на куски санитарная машина, стоящая поблизости, побежали куда-то уцелевшие люди.

Бой между тем постепенно утих. Территория заполнилась солдатами в такой же форме, как и у стрелявшего в нее. Аля видела, каким злобным торжеством горели их глаза, как они вышагивали по разрушенному

ими городу, гордо поднимая головы. Але стало страшно: вдруг заметят ее? Надо уходить отсюда скорее. Только куда?

— Эй, ты!

Аля обернулась: перед ней стояла девочка лет шести в грязной мятой майке и порванных шортах. В руках она держала плюшевого зайца.

— Как думаешь, ничего не будет, если я попрошу вон у того дядьки кусочек яблока?

Аля посмотрела в ту сторону, куда показывала девочка. Высокий солдат стоял посреди дороги и с удальством уничтожал румяное яблоко.

— Не надо! Он нехороший человек!

— Откуда ты знаешь? Может, он и неплохой.

— Все равно не надо!

— А вот возьму и попрошу!

Девочка подошла к солдату. Аля не слышала их разговора, но видела, как толстые губы солдата разъехались в ехидной улыбке. Он поманил девочку пальцем и протянул ей яблоко, но как только она потянулась к нему, тотчас одернул руку, задев лицо девочки. От боли она выронила зайца, заплакала, потом быстро подняла игрушку и побежала прочь. Увидев, что произошло, ее остановила какая-то бабушка. Она подхватила девочку на руки и стала утешать. А девочка все плакала и, очевидно, очень хотела есть...

Вскоре бабушка заметила и Алю. Лицо Али было неестественно бледным, в нем не осталось ни кровинки. Рукав рубашки был пропитан кровью. Бабушка с тревожным сердцем подошла к ней.

Так Аля познакомилась с Шуркой (это была именно она) и бабушкой, которую звали Лукерьей.

У бабы Лукерьи девочки прожили пять дней. В первые три дня они с утра до вечера просидели в доме, приходя в себя после пережитого. Баба Лукерья покормила их, выкупала, выстирала их одежду, намазала и забинтовала руку Али (хорошо, что пуля прошла на вылет, не задев кость). Все время она рассказывала им о своей дочери, которая сейчас уехала в Россию. И чем больше она о ней говорила, тем сильнее девочкам хотелось ее увидеть.

Утром четвертого дня, позавтракав, поздоровевшая Аля с Шуркой осторожно вышли на улицу. На большом дворе возле дома было пусто и тихо. Лежали поваленные взрывами деревья, цветы на клумбе были выжжены и затоптаны, полуразрушенные снарядами соседние дома смотрели разбитыми окнами. Разве можно играть (да и вообще — находиться) в таком дворе?

Шурка прошла в комнату, села на диван и задумалась. Конечно, она думала о маме, Лене, папе... Как давно она их не видела! Кажется, целую вечность. Эх, где они сейчас? Живы ли? А что Нина Артемовна, Валерка, Андрюшка? Ох, и дураки же они были, когда хотели уехать в чужую страну! Нина Артемовна, провожая их с мамой, радовалась за них, ребята завидовали. Знали бы они, каково приходится теперь Шурке!

ВОЗДУШНЫЙ ЗМЕЙ

Шурка вдруг вспомнила, как перед ее отъездом Нина Артемовна показала ребятам мультфильм, который всем очень понравился. Он назывался «Праздник непослушания». Непослушные, капризные дети до того измучили родителей, что те ушли неизвестно куда. Сначала дети радовались, а потом загрустили и решили вернуть родителей. Они сделали воздушного змея, запустили его в небо и...

Шурка вскочила с дивана.

— Аля! Аля!

— Что такое? Что случилось?

— Я знаю, Аля! Я знаю, как сделать так, чтобы наши родители нас нашли!

— И как же?

— Надо послать к ним воздушного змея!

Мастерить воздушного змея решили сразу, не откладывая дело в долгий ящик. Мастерили вдвоем. Быстро, тщательно, а главное — с любовью и надеждой. Змей получился, что надо. К его длинному разноцветному хвосту привязали листок бумаги. На листке большими буквами написали: «МЫ ОЧЕНЬ ЖДЕМ ВАС!» Ни Шурка, ни Аля не сомневались в том, что змей найдет родителей.

Запускали змея ночью с поросшего травой пригорка. Аля крепко держала длинную белую нить, а Шурка

осторожно ее разматывала. Наконец нить натянулась упруго, как струна, змей поймал ветер, и Аля разжала пальцы. Змей взмыл высоко в небо, под самые звезды, покружил над девочками, словно обещал им выполнить данное ему поручение, и стал медленно исчезать из виду.

На пятый день двор неожиданно ожил. Из соседних домов пришли ребята. Послышались споры, крики, возня и даже неуверенный смех. Шурка с Алей обрадовались, схватили плюшевого зайца, выбежали на улицу и пропали там до вечера. Ребятам заяц понравился. Они придумывали с ним разные игры, и Шурка, вспоминая слова Верочки, следила, чтобы эти игры заканчивались хорошо.

Вечером, когда небо уже тронул закат, вдруг слышался знакомый грохот, и ребята побежали по домам. Шурка заметила, как в небе мелькнуло что-то ярко-желтое и вскоре скрылось за деревьями.

— Эй, Саша! — крикнул пробегающий мимо Шурки мальчишка. — Видела?

— Видела. Что это?

— Это сигнальная ракета. Упадет такая ракета куда-нибудь, и то место, куда она упадет, загорится.

— И ничего уже не сделаешь?

— Нет, можно сделать. Можно засыпать песком.

Пробегая мимо густо разросшихся колючих кустов, девочки услышали чей-то сдавленный стон. Они остановились, осторожно заглянули в кусты и увидели раненого солдата. Голова его была в крови. Обеим девочкам сначала стало страшно и захотелось убежать подальше, но солдат так стонал, такая мука отражалась на его лице, что девочки вместо того, чтобы убежать, осторожно подошли ближе.

— Дядя, вам очень больно? — спросила Аля, опускаясь перед ним на колени.

— Больно... — прошептал тот.

Солдат опять глухо застонал, посмотрел на Алю, на Шурку.

— Вы сами-то откуда?

— Мы из России, сюда случайно попали.

— Из России, — солдат улыбнулся, — и я оттуда же... Значит, земляки мы с вами, девочки.

— Дяденька, вам к доктору надо, — не отрывая взгляда от ужасной раны на голове солдата, сказала Шурка.

— Не дойду я к доктору, видно, здесь помирать придется...

Где-то рядом послышались тяжелые шаги, и на аллее показался быстро шедший мужчина среднего роста в военной форме. Солдат вздрогнул и только успел шепнуть:

— Бегите, девочки! Сестрички, бегите!

Шурка ринулась первой, но убежать ей не удалось. Мужчина вмиг оказался рядом, больно схватил ее за плечо. Это был солдат — на первый взгляд, такой же, как и лежащий в кустах раненый, — но по его форме, как у того солдата, который дразнил Шурку яблоком, враждебному, неприятному и злому лицу, она поняла, кто перед ней.

— Не видела здесь раненого солдата? Высокий такой, с рыжей бородкой.

«Это он про него! У него борода рыжая!» — подумала Шурка.

— Не видела солдата? — грозно переспросил военный.

— Нет, не видела.

— Врешь! — солдат ухватил Шурку за плечи обеими руками и так затряс ее, что она выронила Филю, и он отлетел в сторону кустов. — Говори сейчас же правду!

— Да мне сказать нечего! Говорю: не видела!

— Ах, не скажешь! — солдат, чтобы испугать девочку, вытащил из кобуры пистолет. — Убью!

Шурка похолодела. Ей вспомнился другой солдат — тот, который завалил ее в канаву, когда она звала Леню. Ведь и тот мог убить, и этот может. Вот сейчас нажмет на спуск — и конец Шурке. Никогда больше не увидит она маму, Леню, папу, Алю. Не увидит больше Нину Артемовну, Валерку с Андрюшкой. Вообще больше ничего не увидит. Будет лежать холодная и неподвижная с закрытыми глазами, как та женщина, которая дала им с Верочкой бутылку воды.

Сильно испугавшись, спасаясь от угрозы немедленной смерти, Шурка лихорадочно думала: «Если сказать ему — тогда не убьет? Ведь солдат, что лежит в кустах, не знакомый, совершенно чужой человек». Но вдруг вспомнила слабую улыбку раненого: «Значит, земляки мы с вами, девочки... Бегите, сестрички, бегите!» — и только крепко, до крови закусив губу.

Не дождавшись от Шурки ответа на вопрос, солдат

сплюнул, смачно выругался, сунул пистолет в кобуру на поясе и, с силой оттолкнув Шурку так, что она, не удержавшись на ногах, упала, ушел.

Из кустов выбежала Аля, помогла Шурке подняться.

— Молодец! Герой! Настоящий герой! Иди теперь, посиди с раненым, а я сбегаю к бабе Лукерье, узнаю, где госпиталь, врача надо привести.

Шурка уселась возле солдата, осторожно заглянула в его исхудалое, осунувшееся лицо, в его закрытые глаза и вдохнула полной грудью душный вечерний воздух. Все-таки она его не выдала!

ДОЛГОЖДАННАЯ ВСТРЕЧА

Аля вернулась довольно скоро с двумя санитарями. Санитары осторожно уложили солдата на носилки и унесли. Девочки, не сговариваясь и даже не зная, зачем, пошли за ними. У дверей госпиталя их остановил врач.

— Зачем вы сюда идете? Раненые?

— Нет.

— Тогда идите домой, — он обернулся к проходящему мимо него высокому загорелому человеку с усталым озабоченным лицом, серыми глазами и слегка тронутыми сединой черными волосами, крикнул:

— Максим Семенович, новый раненый прибыл. Займитесь, пожалуйста!

Шурка так и замерла. Так и впиалась глазами в лицо этого Максима Семеновича. Вот он поравнялся с Шуркой, кивнул врачу:

— Да, сейчас займусь.

И... прошел мимо. «Вот это да! — ахнула Шурка, — не узнал! Меня — не узнал! Неужели я так изменилась? Или он не обратил на меня внимания, не заметил? Эх, была бы мама, сразу заметила бы!»

Шурка забежала вперед и бросилась ему на шею.

— Не узнал! Родную дочь не узнал! А Леню, наверное, узнал бы! Эх, папка, папка!

Тотчас же сильные руки отца обхватили Шурку. Он крепко прижал ее к себе и поцеловал. И борода его приятно защекотала Шуркины щеки.

– Ты откуда взялась, а?

– От верблюда! – Шурка поцеловала отца в ответ.

– Мы, между прочим, с Алей этого солдата нашли в кустах. Его враги искали, а мы его не выдали, потому что он хороший!

– Молодцы! Аля – это твоя подруга?

– Ага! Мы с ней вместе у бабы Лукерьи живем. Вот я тебе сейчас все расскажу по порядку...

– Постой, постой, давай я сначала сделаю дело, а вы с Алей подождете меня в кабинете.

Выслушав рассказ девочек, Максим Семенович похвалил обеих за смелость и сказал, что Але надо сейчас возвратиться к бабе Лукерье, чтобы старушка не беспокоилась.

– Только смотри, иди осторожно. Я бы сам тебя проводил, да мне надо на операцию идти.

– Я тоже пойду, папка, – сказала Шурка, вставая с его колен.

– Тоже к бабе Лукерье?

– Да нет, я к маме.

– К маме?

– Да. Скажи мне, на какой она улице работает?

Отец вздохнул, сдвинул брови, кашлянул, взял Шурку за плечи. Девочка в миг стала вся белая, как бумага, глаза наполнились теплой влагой, дрожащими руками она вцепилась в рукав отцовского халата. Она увидела вдруг перед собой развалины госпиталя, в котором работала мама. И саму маму увидела – мертвенно-бледную лежащую на земле... Шурка разом ослабела, зашаталась, и, наверное, упала бы на пол, если бы отец не подхватил ее.

– Шурка, что с тобой? Что с тобой, доченька? Тебе плохо? Попей водички, попей, успокойся!

Шурка отхлебнула из стакана, посмотрела на отца сквозь туман в глазах, проговорила почти неслышно:

– Мама...

И тогда отец понял.

– Что ты, Сашенька, что ты, не думай! С мамой все хорошо!

– А... почему ты тогда на меня так... посмотрел?

«Натерпелась, видно, девчонка», – подумал Максим Семенович и сказал:

– Я только хотел сказать тебе, что мамин госпиталь очень далеко отсюда, обстановка беспокойная, и лучше бы ты подождала меня, пока я свои дела закончу.

– Нет, папка, хватит! Наждалась я уже, не могу больше! Говори, на какой улице мамин госпиталь!

Мамин госпиталь находился на улице Советской. Папа отправил туда Шурку вместе с сопровождающим. Сначала они проводили Алю к бабе Лукерье. Как только Аля скрылась за дверью дома, Шурка рванулась вперед. Сопровождающий придержал ее за плечо.

– Не беги так, куда торопиться?

– Куда торопиться?! К маме!

– Она убежит что ли, мама твоя?

– Да вы... Вы что?! Вы совсем, да?!

Шурка рванулась сильнее и убежала далеко вперед.

Идти было очень трудно. Во-первых, потому что жарко и душно. Во-вторых, потому что ночь. В-третьих, потому что чуть ли не на каждом шагу Шурке встречались вооруженные солдаты, едва не наезжая на нее, проносились военные машины, грозно ухали орудия.

Иногда разгоралась стрельба, и ей приходилось отсидиваться в первом попавшемся укрытии.

Наконец, она вышла на территорию, где все было спокойно. Она шла уже, еле передвигая ноги, спотыкаясь, когда вдруг совершенно неожиданно хлынул ливень. И тогда Шурка стала жадно и часто глотать пересохшим ртом дождевые капли. Она промокла вся до ниточки, но у нее как будто прибавилось сил, и она снова побежала. Вот она, улица Советская! Вот он, госпиталь! Девочка вбежала в длинный, освещенный тусклым светом лампочки коридор. А вот к ней навстречу идет быстрыми шагами мама. Жива и невредима, только сильно похудела.

– Мама! – кричит Шурка.

Мама подхватывает девочку на руки и покрывает ее лицо бесчисленными поцелуями, смешанными со слезами.

– Не плачь, мама, не плачь! – шепчет Шурка и изо всех сил стискивает руками ее шею.

– Ой, задушишь ты сейчас меня! – говорит мама и смеется.

— Не задушу, не бойся! — Шурка разнимает руки. — Давай теперь ты меня вот так же!

И мама тоже сильно-сильно стискивает ее в своих объятиях.

— Ай, отпусти! Отпусти — больно! — и опять веселый, звонкий смех.

— Ох, что-то расшумелись мы с тобой! Всех раненых перебудим! — мама поставила Шурку на ноги. — Доченька, да тебя и не узнать совсем! Вытянулась, похудела. Пстой, сколько ж это я тебя не видела?

— Ты ушла от меня, когда было двадцать пятое мая, это я хорошо запомнила, а сегодня четвертое июля, это нам с Алей баба Лукерья сказала утром.

— Как же ты жила без меня столько времени?

— Нормально жила. Только очень страшно иногда было, и боялась, что тебя убьют.

— Сокровище мое! — мама опять поцеловала Шурку, а в глазах у нее заблестели слезы.

— Они, мама, могут. Они злые ужасно! Меня один по лицу ударил, а двое других чуть из пистолета не застрелили...

Они пошли в одну из палат. Мама уложила Шурку в кровать, накрыла простыней и сама легла рядом. И опять Шурка прижалась к матери крепко- крепко, носом уткнулась ей в плечо и шепотом продолжила рассказ. В конце рассказа, уже засыпая, Шурка вдруг спохватилась:

— Мама!

— Тише ты, не кричи, разбудишь раненых!

— Мама, послушай, а где же Леня?

— Гляди-ка, вспомнила, — мама улыбнулась, — в другой палате твой Леня, десятый сон смотрит, завтра его увидишь. Спи!

Но Шурка никак не могла уснуть. Все ворочалась, ворочалась и, наконец, призналась:

— Мама, я боюсь.

— Чего?

— Что ты уйдешь.

— Куда же это я уйду ночью?

— Ну не знаю... Я проснусь, а тебя нет.

— Спи, пожалуйста, и не бойся. Если хочешь, возьми меня за руку.

Шурка схватила маму обеими руками и тут же уснула.

На другой день состоялась радостная встреча с Леной. Первым делом Шурка спросила брата:

— Леня, а почему ты не вернулся к нам в подвал? Куда ты ушел?

ЛЕНЬКА

— Пожалуйста, очень вас прошу, поаккуратнее с мальчиком. Операция была тяжелая.

— Ничего, не волнуйтесь, все будет хорошо! Все выдюжим, правда, хлопок?

Ленька, худой, как жердь, бледный и лохматый, стоял между медсестрой и двумя солдатами. На медсестру он смотрел умоляюще. Она выхаживала его после операции целых три недели и обращалась как с сыном. На солдат поглядывал недоверчиво.

— Тетя Акулина, — зашептал он в ухо медсестре, — не могу я так, понимаете? Не могу! Мне девочек искать надо!

— Голубенок мой! — тетя Акулина нежно прижала Ленякину голову к своей груди. — Да як же ты их разыщешь в таком-то аду? Убьют тебя и не заметят даже. А сердечко твое совсем слабое после операции. Не выдержит, ежели что случится, упаси, Господи.

— Я, тетя, прятаться буду, не попадут в меня. А когда разыщу девочек, к тебе все вместе придем и будем ждать родителей.

— Ни, ни, Леня, ни в коем случае! Поезжай, хлопок, до интерната, а там видно будет.

Ленька очень полюбил тетю Акулину и пока был с ней, всегда ее слушался. Но сейчас он послушаться ее не мог, потому что давал маме слово сохранить девочек. Поэтому, уловив момент, когда грузовик с солдатами, везущий его в интернат, отъехал на приличное расстояние от госпиталя, куда его три недели назад принесли из кафе, он стремительно раскрыл дверь кабины и, спрыгнув на землю, побежал прочь.

Бежал он довольно долго и, наконец, прижав руку к сильно бьющемуся сердцу, перешел на шаг. Вскоре он услышал выстрелы, крики и увидел страшную картину. Шел бой. Земля была буквально усыпана телами убитых и раненых. В этом хаосе смешались звуки

минометов, гаубиц, градусов. Где-то рядом строчил пулемет. Все это разом навалилось на Леньку и оглушило его. Он попятился, лихорадочно ища хоть какое-то укрытие, наконец, спрятался в густом кустарнике и, лишь когда все окончательно стихло, двинулся дальше.

Через некоторое время он оказался рядом с разрушенным парком аттракционов, повернул к гостинице и... увидел груды булыжников и кусок стены. Вмиг перед затуманенными глазами его встала крепкая фигура рыжего: «Гостиницу взорвем ночью... Наши подтянутся... Вместе мы их одолеем!» Колени у Леньки задрожали, подогнулись. Он упал на грязную сырую землю и отчаянно зарыдал.

Потом встал и побежал прочь от этого страшного места. Вдруг он увидел впереди двух идущих по дороге солдат. Они весело разговаривали друг с другом, время от времени толкая в спину прикладами автоматов шедшего перед ними высокого длиннородого старика. Старик шел медленно и шатался так, что Леньке казалось, будто он вот-вот упадет.

— Не троньте его! — с возмущением закричал мальчик во весь голос, подбегая к солдатам. — Сейчас же его оставьте!

И тут же, вцепившись в волосы одному из солдат, крикнул:

— Дедушка, уходите!

Внезапно Ленька получил удар прикладом по голове.

Когда Леня открыл глаза, кругом было тихо. Его стеной окружали высокие деревья и кусты, сквозь их ветки светили золотые звезды, где-то недалеко журчала речка. Он сам лежал на траве. Невдалеке горел костер. Встать бы надо, выследить, кто зажег, и вообще, что здесь происходит. Но у Леньки страшно болела голова, в глазах мутно, грудь ныла нестерпимо.

Вдруг кусты затрещали. Превозмогая боль, Ленька поднялся на локте. Из кустов вышел... тот самый старик с длинной бородой.

— Свои, свои, не бойся! — старик ласково улыбнулся. — Как самочувствие твое?

— Ничего... Вы, значит, успели уйти?

— Успел благодаря тебе. Я ведь здешний. Рядом место потайное знал, сразу спрятался, они меня не нашли. Спасибо, хлопец! Как звать-то тебя?

— Леней.

— А меня Ильей Матвеевичем.

— Это вы принесли меня сюда?

— Нет, конечно. Попросил помощи.

— Зачем они вас поймали?

— Да понадобился я, видишь ли, их командиру.

— Это плохие люди?

— Хуже не бывает. Из-за них война началась.

— Фашисты?

— Свои же люди. Братья, можно сказать, а оказалось, действительно, как фашисты.

— Да ну?!

— Именно!

Леньке стало как-то неудобно. Илья Матвеевич вдруг встревожился:

— Что это ты дышишь так тяжело? Сильно плохо тебе?

— Нет... Ничего... Пройдет... А вы где живете?

— Здесь, недалеко от леса.

— Домой теперь не пойдете?

— Переночую сегодня с тобой вместе, а там посмотрим. Пойдем-ка, товарищ Леня, к костру.

Они сели у костра. Поджарили и съели рыбу, которую Илья Матвеевич поймал в реке, запили холодной речной водой. Потушили костер и легли на траве рядышком.

— Смелый ты, Леня, — сказал Илья Матвеевич.

— Ну да, — протянул Ленька.

— А куда ты бежал тогда, если не секрет?

Ленька тут же рассказал ему обо всех своих злоключениях, а когда дошел до развалин подвала, не выдержал и опять расплакался.

— Ну что ты, что ты! — Илья Матвеевич погладил Леньку по взлохмаченным волосам.

С минуту они молчали. Вдруг Илья Матвеевич охнул.

— Старик Хоттабыч! — вскрикнул он. — Саша, Верочка!

Ленька вскочил:

— Да, да! Вы их знаете, Илья Матвеевич? Вы их видели? Они живы? Где они?

— Этого я тебе сказать не могу. Я был с ними около двух недель, мы встретились в подвале, только не в том, который рухнул, а в другом.

Ленька растерялся.

— Как быстро все произошло! Где же я был в это время?

— Погоди, сейчас поймешь. Из гостиничного подвала вы ушли в один день, только ты раньше, чем девочка. В этот же день тебя раненого забрали в госпиталь из кафе, а девочек переселили в другой подвал, где они и встретились со мной, понимаешь?

— Значит, все время, пока девочки были с вами, я лежал в госпитале?

— Даже чуть больше.

— Так, может быть, они и сейчас в том подвале сидят?

— Наверяд ли.

— Но все-таки? Завтра же вы проводите меня туда, ладно?

— Там, наверняка, беспокойно.

— Все равно!

— Какой ты бесстрашный.

На следующий день лес обстреливали. Земля дрожала от взрывов и выстрелов. Ленька и Илья Матвеевич прятались в зарослях кустарника у реки, боясь пошевелиться. К вечеру все стихло, однако разводиться костер было опасно. Так потом и уснули они, голодные и измученные переживаниями.

На следующий день тронулись в путь. Дорога была неблизкая, особенно если идти пешком. Наступала жара. Видя, что Илье Матвеевичу тяжело, Ленька решительно сказал:

— Давайте лучше я пойду один. Вы мне только дорогу объясните, а сами идите, куда вам надо.

Илья Матвеевич с неохотой согласился.

— Смотри, будь осторожен! Чуть что услышишь или увидишь — сразу в кусты прячься или еще куда-нибудь. Помни: я всегда буду думать о тебе и беспокоиться, — он вдруг крепко прижал Леньку к себе, Ленька обхватил руками его шею, — девочкам привет передай, скажи от Хоттабыча.

— Обязательно передам!

— Иди, не теряй зря времени.

И Ленька пошел. Он шел сначала очень быстро, почти бежал, потом перешел на шаг. Жара донимала его. Сандалии натирали ноги в кровь, пыль лезла в глаза, воздух пропах гарью. Еды, чтобы подкрепить

силы, у него не было. Не было и воды. Чаше стала болеть грудь.

Он шел мимо разрушенных и сожженных зданий, мимо поваленных взрывами деревьев, опустошенных магазинов и ларьков, мимо искореженных до неузнаваемости машин. Иногда на обочинах попадались трупы людей. «Какой ужас! — дрожа от нервного напряжения, думал Ленька. — Какой ужас...» И тут же перед ним вставали лица девочек. Хоть бы они были живы! Шурка, Верочка! И почему он не догадался попросить еды у обитателей подвала? За обеих девочек Ленька переживал одинаково. Совершенно незнакомая Верочка стала ему, как родная сестра. «А ведь она, наверняка, слабенькая здоровьем, — думал он, вспоминая Верочку, — и плакала так, когда увидела, что мама Шурку обнимает... Я тогда подошел к ней, погладил по голове, сказал, чтоб не плакала, что родители ее найдутся и что пока я буду ей вместо них. Как она тогда ко мне прижалась, прямо на шее повисла, а я взял и ушел. Ох и дурак!» Ленька ощутил у себя на шее худенькие горячие руки Верочки, увидел устремленные на него глаза, полные слез. «Если с ней что-нибудь случится, не будет мне покоя!»

Ленька шел целый день. До назначенного места оставалось чуть больше пятнадцати километров. Жара спала. Сгустились сумерки. Ленька хотел переночевать прямо на улице, но где-то невдалеке он услышал взрыв и понял, что надо ночевать в укрытии. Он прошел еще немного и вскоре увидел музей Пеле. Дверь была закрыта, но в окне на первом этаже выбиты стекла. Ленька пролез туда, свернулся калачиком на каменном полу и уснул. Засыпая, он вспомнил, что сегодня двадцать третье июня. Уехать из Луганска они должны были двадцать пятого мая. Значит, сегодня, если бы не война, они давно были бы на курорте. Эх, если бы не война...

Во сне Ленька вместе с Санькой прыгал с буны в теплое ласковое море, кормил кусочками хлеба крикливых чаек, поднимая гору золотой пыли, бегал по горячему песку и снова кидался в море.

Спал он крепко, а во сне человек, как известно, набирается сил. Поэтому, когда утром Ленька снова зашагал по дороге, он был уверен, что уж сегодня точно доберется до нужного места.

В начале улицы Советской, по которой шел Ленька, стреляли и опять гремели взрывы, трещали пулеметы. В нос Леньке ударил уже знакомый запах гари, пота и крови. На глазах у него гибли солдаты. Осторожно, перебегая от дома к дому, Ленька вышел из полосы огня и оказался у большого белого здания. К зданию подвозили раненых. «Госпиталь», — сообразил Ленька и вдруг услышал громкий крик:

— Леня! Сынок! Мальчик мой!

— Мама!

Ленька круто свернул к крыльцу госпиталя и повис у мамы на шее:

— Мама! Мамочка!

— Ленечка, родной! Жив! Слава тебе, Господи!

— Мама, где Шурка?

— Не знаю, сынок. Мы ее ищем.

— А Верочка?

— Верочка теперь очень, очень далеко от всех нас...

С этого дня Ленька стал жить в госпитале вместе с мамой (иногда, когда мог, к ним заходил папа). Он познакомился почти со всеми ранеными и подолгу разговаривал с ними, в том числе и с украинцами, так как благодаря тете Акулине знал немного украинский язык. Раненые очень полюбили Леньку и с улыбкой говорили его матери:

— Хорошего сынка вы воспитали — смелого, честного, доброго.

После встречи долго еще сидели брат и сестра рядышком и делились друг с другом впечатлениями пережитого. Шурка никак не могла поверить в то, что Верочки больше нет на свете.

— Военный сказал мне, что все с ней будет хорошо! И баба Лукерья говорила! Это ты, Ленька, нарочно выдумываешь, чтобы меня запугать!

— Да разве такие вещи можно выдумывать?

— Все равно я тебе не верю! Я у мамы сейчас спросу! Еще посмотришь, как я буду с Верочкой у нее на даче бегать. Правда, ее Филю я где-то выронила случайно, когда мы с Алей солдата раненого спасали... Ну ничего, может, еще найдется.

Как же ужаснулась и огорчилась Шурка, когда мама подтвердила то, что сказал Леня! Как горько и отчаянно рыдала она, уткнувшись в подушку! Среди развернувшихся событий она почти не вспоминала

о Верочке. Она была просто уверена, что ее уже давным-давно вылечили, что она дома и только дожидается момента, чтобы пригласить ее, Шурку, на дачу. А тут вдруг... Эх!

Когда Шурка немного пришла в себя от услышанного, мама сказала ей, что хотела бы видеть Алю. К дому бабы Лукерьи Шурка приехала на машине скорой помощи с ранеными солдатами. На этот раз на улицах было тихо, и поэтому добралась она быстро и спокойно. Дверь ей открыла баба Лукерья.

— Явилась, красавица! — сказала она, широко улыбаясь. — Героиня наша!

— Ой, да что ты, баба Лукерья!

— Да, да и не отговаривайся! Мне Аленька все рассказала. Что, родители твои нашлись?

— Нашлись!

— Ну и слава Богу!

— А Аля где? Гуляет?

— Здесь я.

Аля вышла из комнаты, в руках у нее был Филя. Он стал настоящим красавцем — чистенький, отмытый (до этого он был испачкан чем-то черным), а вместо обтрепанной синей маечки он носил теперь джинсовые шортики и оранжевую рубашку с зелеными рукавчиками.

— Ух ты! А я думала, он потерялся. Это кто ему такую одежду дал?

— Я дала, нравится?

— Ты? Откуда?

— Сшила из кусков материи. Мама меня шить учила...

— Здорово! Ему очень подходит! Кстати, моя мама тебя хочет видеть, поедем?

— Зачем?

— Да ты не бойся! Она у меня добрая. Она очень тебя жалела, когда я ей все рассказала.

Шуркина мама действительно оказалась очень доброй. Она подробно расспросила Алю о ее жизни, внимательно выслушала, а потом сказала:

— Аля, давай мы с тобой договоримся. Завтра мы все вместе уезжаем отсюда в Россию. Затем из Ростова Шурка с Леной и дядей Максимом уедут домой, а я повезу тебя в интернат: найдем твоего папу, ты будешь ждать его...

– В интернат? Я не хочу!
– Надо, тут уж ничего не поделаешь.
– Что хотите, то и делайте, а я не поеду!
– Аля, будь умницей. Ты ведь не навсегда туда отправляешься. Твой папа, когда узнает где ты, сразу тебя заберет.
– Отец? Вы смеетесь? Он, скорее всего, уже забыл давно о моем существовании.
– Не может быть!
– Может, еще как может!
– Послушай, ты не волнуйся. Если что, мы с дядей Максимом возьмем тебя к себе, хорошо?
Аля молча кивнула.

ИНТЕРНАТ

Аля хорошо помнила широкую, бесконечно длинную дорогу, пробегающую за окном автобуса. Автобус мчал ее в интернат, в город Ростов-на-Дону. Рядом с ней сидела тетя Лена. Она изредка гладила Алю по руке и говорила ласково:

– Не волнуйся. Помни, что я тебе сказала.

По приезде в интернат тетя Лена познакомила Алю с медсестрой интерната, своей подругой, и сказала, что через нее Аля может звонить ей, то есть тете Лене, когда угодно, и что как только у нее будет свободное время, она обязательно Алю навестит. Милая, милая тетя Лена! С первого же дня знакомства Аля привязалась к ней всей душой.

Тетя Лена уехала. Аля осталась в интернате. Она очень скучала без тети Лены и решила написать ей письмо:

«Здравствуйте, тетя Лена!

Как у Вас дела? У меня – плохо. Дни все одинаковые и очень скучные. Просто не знаю, чем можно заняться. Пробовала читать книжки, но тут книжки все неинтересные. И дети какие-то неконтактные, с ними играть невозможно. Зато знаете, что я узнала? Я узнала, что медсестра тетя Аня – мама Верочки. Представляете? Она мне сама рассказала. Сейчас я Вам про это напишу...»

КАК ОНИ ПОЗНАКОМИЛИСЬ

– Верочка, солнышко, – Аня наклонилась к дочери, любовно пригладила растрепавшиеся волосы-

ки и нежно поцеловала, на что та ответила таким же горячим поцелуем, – устала путешествовать? Ничего, сейчас мы ходим в магазин, купим продуктов в дорогу, папа машину заправит, и поедем домой – чуть-чуть осталось.

– Мамуля, а можно ты в магазин с папой сходишь, а я в нашей машине подожду?

– Да как же ты одна?

– Я не одна, я с Филей.

– Ну, если с Филей... – Аня улыбнулась. – Только смотри, из машины не выходи. Мы вернемся очень быстро, магазин рядом.

– Ладно.

Выходя из магазина, они вдруг услышали, как в небе что-то загрохотало, засвистело, заухало. Откуда ни возьмись, появились военные с автоматами в руках. Где-то прогремел взрыв. Начался обстрел территории. От неожиданности Аня и Дима остановились и, с ужасом осознав, что происходит, бросились по направлению к машине. Внезапно Дима охнул, схватился рукой за грудь и, как подкошенный, упал прямо на газон. Его достала шальная пуля.

Аня вскрикнула, склонилась над мужем. Приподняла ему голову. Дрожащей рукой расстегнула на груди Димы рубашку.

– Дима, Дима!

– К Верочке, беги, Аня!

И она побежала.

В машине Верочки не оказалось. Аня поняла, что в такой суматохе Верочку ей сейчас не найти. Значит, надо сначала отвезти Диму в ближайшую больницу. «Где-то рядом, кажется, на улице Советской, находится госпиталь», – подумала Аня. Она села за руль.

Пока врачи осматривали Диму, в приемном отделении госпиталя Аня познакомилась с Леной, Шуркиной мамой, и та немножко успокоила ее, сказав, что в том районе, где они оставили машину с Верочкой, людей направляли в подвал близлежащей гостиницы.

– Там находятся мои дочь и сын. Я уверена, что

и они, и ваша Верочка в полной безопасности. Как только закончится артобстрел, мы заберем моего мужа (он работает на другой территории) и вместе доберемся до подвала, заберем наших детей и постараемся как можно быстрее вернуться в Россию.

Женщины стали вместе оказывать помощь пострадавшим. Они старались сделать все быстро и хорошо, чтобы, когда все стихнет, поскорее отправиться в подвал гостиницы за детьми. Но бой затянулся до ночи. Аня и Лена вынуждены были пережить. Все это время Аня думала только о том, чтобы Всемогущий Господь уберет ее единственную доченьку. Перевязывая очередного раненого, Аня взглянула на Лену. Та наскоро бинтовала голову лежащего перед ней парня. Парень был без сознания.

— Совсем как мой Леня, — прошептала Лена и приподняла парня за плечи, — скорей бы уж в подвал...

Только глубокой ночью, уставшие и измученные, они наконец-то смогли выбраться из госпиталя и побежали к гостинице одни (за Максимом решили зайти потом). Вместо гостиницы они увидели... развалины.

— Неужели... погибли?! — дрожащим голосом прошептала Лена. — Ленечка мой, Сашенька... Неужели?

— Верочка! Моя Верочка! — Аня закрыла руками лицо и разрыдалась.

— Нет, — услышала она голос Лены, — не может быть, чтобы они погибли. Их наверняка перевезли в другое место... Давай вернемся в госпиталь и попробуем что-нибудь узнать.

Они вернулись в госпиталь, но Аня уже не могла работать в полную силу. У нее чуть ли не впервые в жизни стало болеть сердце. Боль эта порой становилась невыносимой. В этот день она поняла, что на войне умирают не только от пуль и снарядов, но и от разрыва сердца. Просто от разрыва сердца.

Перед глазами Ани стояла разрушенная гостиница. Ей приходилось до крови кусать губы, чтобы не разрыдаться на глазах у раненых. И все-таки она еще

надеялась, еще пыталась заставить себя думать о хорошем исходе дела.

— Как только придет начальник госпиталя, я сразу отправлюсь к нему, — сказала она Лене, — может, ему что-то известно. Чует мое сердце: беда с Верочкой!

— Я сама к нему пойду и спрошу. А ты приляг, отдохни чуть-чуть.

Немного передохнув, Аня первым делом пошла к начальнику госпиталя. Его не было на месте. Затем — в палату к мужу. Операцию Дима перенес хорошо и чувствовал себя лучше. Он часто спрашивал о Верочке. Конечно, чтобы не беспокоить его, она отвечала, что с Верочкой все хорошо. Проведав мужа, Аня вернулась к работе.

— Как вы себя чувствуете сегодня? — спрашивала Аня, ласково глядя в затуманенные глаза пострадавших от ранения, измученных людей. Она выполняла любую работу: давала раненым назначенные лекарства, меняла белье, если это было нужно, и обязательно каждого утешала, была ласковой, как с малышами детьми.

А сердце все выстукивало тревожное:

«С Верочкой беда! Беда! Беда!» Перевязав последнего раненого, Аня опять чуть ли не бегом побежала к кабинету начальника госпиталя. Кабинет был заперт. «Господи, что же делать? Куда бежать? У кого спрашивать? Ах, зачем, зачем я оставила Верочку тогда одну в машине?»

— Пожалуйста, скорее! Как можно скорее! Ребенок умирает!

Аня вздрогнула и обернулась. Это было как удар молнии...

Перед ней стоял мужчина в камуфляжной форме и держал обмякшее тельце девочки. На руках у него была... Верочка!

— Верочка! Девочка моя! Солнышко! Сокровище мое!

Она взяла Верочку у мужчины из рук, прижала к себе и принялась целовать. Потом опомнилась, положила дочь на кушетку и начала делать ей массаж

сердца, искусственное дыхание. Но, увы, уже было поздно. Слишком поздно... Сердце Верочки не билось. Аня уронила голову на ее грудь и застыла.

Через некоторое время она молча поднялась и побрела в палату мужа. В ушах у нее звенело, перед глазами стоял туман. Она знала и осознала только одно: она потеряла своего единственного ребенка, свое бесценное сокровище, свою Верочку.

Утром, попрощавшись с Леной и ее мужем, которые остались здесь искать своих пропавших детей, они уехали домой в Ростов-на-Дону. Там, в родном городе, и похоронили они свою Верочку.

Долгое время понадобилось Ане и Диме для того, чтобы хоть немного отойти от случившегося. Верочка для них стала невосполнимой утратой и вечной душевной болью.

«Тетя Лена, мне очень жалко и Верочку, и ее маму. Шурка много мне о Верочке рассказывала, но я не думала, что она была такая смелая. Ведь не закрой Верочка собой Шурку, Шурки, наверняка, не было бы уже на свете... Я отдала тете Ане Филю. Она очень благодарила меня и чуть-чуть не заплакала. Мне, тетя Лена, тяжело жить в интернате. Лучше бы уж в Луганске, у бабы Лукерьи, честное слово! Передавайте привет Шурке, Лене и дяде Максиму».

Да, Але в интернате было тяжело. Особенно по ночам, потому что почти каждую ночь во сне она видела маму. Аля никак не могла представить маму мертвой. Она видела ее живой, смеющейся, веселой. Чувствовала в волосах ее теплые нежные пальцы. Чувствовала, как ее губы касаются макушки или щеки.

СОН, ПРИСНИВШИЙСЯ ПАПЕ АЛИ

Видимо, змей, которого сделали Аля и Шурка, был волшебным, потому что он приснился одному человеку. Этот человек был геологом – Робинзоном Крузо, как называли его товарищи. Он и в самом деле был на него похож. Такой же рослый, крепкий,

с длинными по плечи черными волосами и черными глазами на смуглом, обветренном лице.

У Робинзона были жена и дочь, но он мало ими интересовался. С женой он давно развелся и вскоре женился на другой женщине. А с дочерью, если общался, то только по телефону – для того, чтобы поздравить с Новым годом или днем рождения.

И вот однажды приснился ему сон, будто он с товарищами отправился в очередную экспедицию. И подошли они к широкой реке.

– Осторожно, – предупредил их начальник экспедиции, – в этой реке водятся крокодилы.

Словно в подтверждение этих слов, из воды высунулась огромная зеленая голова с желтыми глазами. И в ту же минуту со стороны реки раздался душераздирающий крик:

– Папа!

Это была Аля. Робинзон сразу узнал голос дочери. Он обернулся и увидел леденящую кровь зрелище. Аля барахталась в мутной реке. Ее правая рука наполовину уже была в пасти у крокодила.

– Папа! – кричала она, захлебываясь. – Помогите, папа!

«Как она здесь оказалась?» – подумал Робинзон и бросился было к ней на выручку, но вдруг увидел, что крокодилами переполнена вся река. Спасти Алю не было никакой возможности.

Вот тут-то Робинзон понял, как дорога ему дочь. Он заметался по берегу, ища хоть какой-нибудь способ добраться до Али. Но все было напрасно.

Между тем зубы крокодила добрались до Алиного плеча.

– Смотрите! – крикнул вдруг один из участников экспедиции, указывая куда-то вверх. И все увидели, как с неба в реку стремительно спускается воздушный змей. За хвост змея обеими руками держится девочка в голубом платьице с морским широким воротником и галстуком. Вот босые ножки девочки коснулись воды. Она протянула Але руку, вытащила ее из пасти чудовища, перенесла через реку и опустила рядом с отцом. Робинзон тотчас же подхватил

Алю на руки. Она была мокрой и дрожала. Правая рука ее была в крови.

— Как ты здесь оказалась одна? — прижимая ее к себе и закутывая в свою теплую куртку, спросил Робинзон.

— Я т-т-тебя искала.

— А где твоя мать? Почему ты без нее?

Аля долго молчала. Потом освободилась от куртки, встала на ноги, посмотрела туда, куда только что улетел змей вместе с девочкой, и прошептала:

— Там были злые люди... Они убили мою маму.

СНОВА БАБА ЛУКЕРЬЯ

Отец вскоре приехал за Алей. Он ее обнял крепко-крепко, поцеловал и повез к себе домой.

Там он познакомил ее со своей второй женой. Она не понравилась Але. Слишком ласково она с ней обращалась, особенно при папе, слишком много и красноречиво жалела. Поэтому, когда вечером отец сказал Але, что ненадолго уезжает, Аля для себя решила, что обязательно уедет с ним (разумеется, тайно).

По длинной дороге города Луганска ехал крытый брезентом грузовик. В кабине грузовика за рулем сидел Робинзон и с ужасом глядел в окружающую обстановку. По сторонам дороги то и дело вспыхивало яркое пламя, ухали снаряды, были слышны взрывы артиллерии, залпы «Градов». Робинзон приехал сюда, чтобы забрать в Россию мать своей второй жены. Рядом с Робинзоном сидела Аля.

— Это очень хорошо, что мы бабу Лукерью увезем. Она очень хороший и добрый человек. Здорово, что она оказалась моей бабушкой! — говорила Аля и гляделась в дорогу. — Скоро мы уже приедем.

— Ты почему дома не осталась?

— Не хочу с ней.

— Со мной лучше?

— Да.

— А она, между прочим, о тебе беспокоилась. Звонила, слышала, наверно?

— Слышала. Папа, только я не смогу ее любить так, как маму. И называть мамой не смогу.

— Называй, как хочешь. Главное, чтобы вы подружились.

— Ты скажи ей, чтобы она меня не ласкала.

— Ладно, скажу.

— И не уезжай никуда без меня.

— Не уеду, будем вместе.

За поворотом дороги уже виднеется частный двухэтажный дом бабы Лукерьи. Здесь, кажется, все более или менее спокойно, хотя слышно, как гудят орудия, а в небе вспыхивают осветительные ракеты. К дому нельзя подъехать близко, потому что там стоят военные машины. Неужели придется выходить из машины и идти к дому? Ох, как не хочется! Робинзон тяжело вздыхает и опускает на колени руки. Он специально тянет время. Он ждет, что, может быть, теща сама увидит его, выйдет и подойдет к машине. Вещей у нее, кстати, совсем немного, донесет. Он медленно достает мобильник, набирает номер и кричит громко в трубку:

— Лукерья Александровна, я подъехал!

Никакого ответа.

— Папа, она не слышит, наверное. Сейчас я убегаю ее позову.

И прежде чем Робинзон успел ответить, Аля быстро выпрыгнула из машины и побежала. «Какой я дурак! — в ужасе подумал Робинзон. — Что я надеялся?! Зачем отпустил девочку?»

В этот момент раздался оглушительный взрыв. Робинзон выскочил из машины. И увидел, как вспыхнуло огнем и осело черным дымом вечернее небо. К нему навстречу бежала Лукерья Александровна. Волосы ее были растрепаны, по щекам текли слезы.

— Ирод! — закричала она, подбегая близко. — Зачем ты Аленку с собой брал? Почему с Оксаной не оставил ее?

— Я... я ее не видел сначала, она в кузове пряталась...

— Не видел?! И не увидишь! Не увидишь теперь больше никогда!

Робинзон вскрикнул, пошатнулся и закрыл ладонью глаза...

ЗДРАВСТВУЙ, ДОЧЕНЬКА!

А Аля в это время висела в какой-то вязкой, черной нестерпимо душной пустоте. Она до боли в глазах всматривалась в эту пустоту, пыталась встать или хотя бы пошевелиться, но ничего не получалось. Тогда она вздохнула с превеликим трудом и прошептала:

– Помогите!

И тут же вспыхнул яркий свет. Аля увидела девочку в матросском костюмчике. Девочка посмотрела на нее и улыбнулась.

– Ну вот, наконец-то очнулась! Поднимайся скорее, пойдем.

– Куда?

– К маме.

– К какой маме?

– К твоей. Она уже давно ждет тебя.

Аля стояла, не двигаясь, и совершенно ничего не понимала. Тогда девочка взяла ее за руку и потянула за собой. Они бежали мимо разлапистых зеленых деревьев с великолепными плодами, на ветках которых щебетали диковинные птицы, мимо благоухающих безмерно прекрасных дивных цветов, мимо бьющих прямо из-под земли фонтанов. Аля крепко держалась за руку девочки, боясь упасть, потому что сильно кружилась голова. И чем дальше они бежали, тем спокойнее делалось Але. А что если девочка назвала мамой ее мачеху?

– Что ты! Мачеха твоя осталась на земле, здесь ее нет!

Аля от неожиданности чуть не упала.

– Как это – осталась на земле?

Но девочка не успела ответить. Не успела потому, что Аля вдруг вскрикнула и рванулась вперед. Впереди среди цветов стояла мама. Не мачеха, не какая-то там чужая тетка, а именно мама!

– Здравствуй, доченька! – сказала она и крепко обняла Алю. – Вот мы и встретились.

– Мама, а мы навсегда встретились?

– Навсегда.

– А если опять война?

– Нет, – сказала стоящая рядом с Алей девочка, и мама ласково погладила ее по голове, – здесь войны не бывает.

Она вздохнула – наверное, что-то вспомнила. Они с мамой встретились глазами. И мама сказала:

– Ничего, Верочка, не грусти. Придет время, и вы с мамой тоже обязательно встретитесь.

НЕ ЗАБЫВАЙ НАС, ШУРКА!

Шурка шла за руку с мамой из детского сада домой, после поездки такая сразу повзрослевшая и серьезная.

– Как встретили тебя дети?

– Обрадовались. Они соскучились по мне очень. Особенно Валерка. Не отходил от меня целый день. Все просил меня шутку какую-нибудь придумать.

– Придумала?

– Нет.

– Чего так?

– Не хотелось. Я все ждала, когда ты придешь. Нина Артемовна меня к медсестре водила, температуру мерила, думала, что я заболела.

С минуту они шли молча. Шурка смотрела то на свои новые сандаletы, то на маму и, наконец, решилась:

– Мама... Знаешь, мне кажется, что... что с Алей случилось что-то плохое.

Мама посмотрела на нее внимательно.

– Почему это?

– Мы ответ на ее письмо когда отправили? Давно. А она до сих пор ничего не написала.

– Может быть, ей некогда?

– Она сама писала, что ей скучно и делать нечего. – Тогда, может быть, ее папа забрал до того, как мы ответ послали, и письмо не дошло?

– Точно! Только я все равно за нее волнуюсь почему-то...

– Не волнуйся, придем домой, я позвоню в интернет и все узнаю.

— Я же говорила, что папа Алю заберет! Я же говорила! — мама быстро вошла из коридора в комнату, где Ляня и Шурка уже готовились ко сну. — Теперь у нее все будет хорошо!

— А ты знаешь, мама, где они живут? — спросила Шурка.

— Знаю.

— Значит, можно поехать к ней в гости!

В эту ночь Шурка долго не могла уснуть. Несмотря на то что мама позвонила в интернат и ей там совершенно точно сказали, что Алю забрал отец, смутная тревога, ощущение чего-то очень печального и в то же время неизбежного давило на сердце и не давало покоя. Вспоминались дни, прожитые у бабы Лукерьи. Не раз за эти дни на Шурку напала дикая тоска по маме. Она горько плакала тогда, а Аля утешала ее, как могла, хотя самой ей было гораздо труднее, чем Шурке, потому что у Шурки была надежда. У Али надежды не было.

Шурка изо всех сил гнала от себя тревогу. Она думала: «Что за глупости?! Что, скажите, пожалуйста, может случиться с Алей, если она в России, да еще и с отцом? Ничего! Решительно ничего! Вот завтра после работы мама позвонит Алиному отцу и попросит у него разрешения приехать к ним в гости. И Алин отец, конечно же, разрешит, потому что Аля его попросит. И они опять будут вместе. И будут играть, только уже не с Филей, а как-нибудь по-другому...»

«Не надо, Шурка, звонить папе! Слышишь, не надо» — «Почему? Ведь прежде чем ехать в гости, надо предупредить хозяев». — «Шурка, не надо звонить». — «Но почему?! Разве ты не хочешь, чтобы я приехала?» — «Хочу. Просто...» — «Что просто, Аля?» — «Понимаешь, тут такое...» — «Да говори же, что?! Отца боишься? Ладно, не надо в гости... Хотя бы напиши письмо, чтобы я знала, что у тебя все хорошо!» — «У меня хорошо, Шурка! Честное слово, хорошо! Я теперь с мамой!» — «Что?! Как?! Аля, ведь она же... Аля!» — «Шурка, ты только не плачь, ладно?» — «Но

как же! Как так получилось?!» — «Шурка, не плачь! Ну пожалуйста!».

В комнате было темно, лишь в щелку между раздвинутыми шторами лился лунный свет. И в этом лунном свете одетая в белую футболку и длинные белые штаны, с распущенными по плечам русыми волосами стояла Аля. Неслышно ступая по полу босыми ногами, она подошла к Шурке и села на край кровати. Шурка бросилась к ней, прижалась мокрым лицом к ее футболке. От Али пахло свежим, чистым душисто-сладким воздухом и еще чем-то очень вкусным, а рука ее, глядящая Шурку, была какая-то чересчур легкая. Шурка плакала, а Аля шептала:

— Не плачь, Шурка... Мне с мамой хорошо. Не плачь. Знаешь, кого я видела? Верочку. Ей тоже там очень хорошо. Она тебе привет передавала. Большой-большой привет. Мы тебя, Шурка, никогда не забудем! И ты нас не забывай.

Она наклонилась и... поцеловала Шурку.

— Это я тебя за Верочку еще раз поцеловала. А это — за себя.

И исчезла, словно ее и не было. Потом будто опять присела рядом — очень уж явно Шурка почувствовала, как ее пальцы дотронулись до руки.

— Тете Лене скажи, чтобы не расстраивалась. И помни: мы всегда рядом с тобой.

Пропала куда-то луна. Небо заволокло тучами. По крыше монотонно и лениво застучал мелкий дождь... ■